

Сон был глубоким.

Словно он провалился в бездонную пучину, лишенную света, что таится в самой глубине души. Он падал бесконечно, падал, пока вокруг не воцарилась гробовая тишина.

В тот миг, когда Ся Цао открыл глаза, окружающий мир оказался совсем не таким, каким он его знал.

Перед ним раскинулся необозримый сад Бессмертных Трав, где небесный свет сиял, словно в зеркале, а все сущее казалось застывшим полотном художника. Между небом и землей плыл золотистый духовный туман, вдалеке травы и деревья переполнялись живой энергией, и даже на горных камнях распускались изумрудные бутоны.

В воздухе веяло мягким ароматом лекарственных трав, но в этом запахе скрывалась невыразимая тяжесть и скорбь.

Он опустил взгляд и увидел свои руки — тонкие, словно выточенные из нефрита. На ладонях виднелись сложные узоры духовных отметин, подобные сплетению лиан, тянущиеся к запястьям и далее к шее. Он прижал ладонь к груди — там больше не пульсировало Духовное Ядро.

На смену ему пришло нечто иное — глубокое и чистое... дыхание Богов.

— Это... — пробормотал он. Голос его, подобный звону горного ручья, казался ему чужим, совсем не подходящим к этому облику. — Это... моя прошлая жизнь?

— Нет, это твое истинное начало.

Низкий голос раздался прямо из воздуха — настолько знакомый, что сердце Ся Цао на миг замерло.

Он резко обернулся. Вдали, среди духовного тумана, медленно проявлялись две фигуры — одна в красном, другая в белом.

Царь Призраков Е Янь и даос Сюань Чжэньцзы.

Однако их облик сейчас слегка отличался от того, что он привык видеть. Е Янь больше не был окутанным злобой призрачным силуэтом, а предстал в образе генерала в красно-золотых доспехах, с мужественным лицом и взором, горящим, словно факел. Сюань Чжэньцзы же облачился в даосские одежды цвета морской волны, его седые волосы ниспадали до пояса, а фиолетовая отметка на лбу стала почти незаметной.

— Это место — опечатанная обитель памяти в глубине твоего сознания. И это последний миг перед тем, как твоя первая душа была расколота, — произнес Сюань Чжэньцзы. Его голос звучал спокойно, но в нем крылись глубокие, невысказанные чувства. — Когда-то ты был Бессмертной Травой Небесного Мира — Богом Травы Девяти Спиралей. Ты был рожден из Великого Корня всех лекарств, управлял жизнью и смертью всего живого, ты был главой лекарственных Духовных Жил Шести Миров.

— Ты не человек, не демон и тем более не призрак, — Е Янь медленно сделал шаг вперед, и в его голосе проскользнула непривычная мягкость. — Ты — исток духовной жизни, Бог-владыка всего Мира Трав и Деревьев.

Ся Цао слушал, оцепенело глядя на них. Казалось, все загадки, мучившие его, наконец обрели начало своего ответа.

— Тогда... почему моя душа раскололась? Почему я переродился? Я... я не помню, — голос его дрожал.

Сюань Чжэньцзы тяжело вздохнул, и в его руке возник нефритовый свиток лазурного цвета.

— Ты сам оставил себе ответ.

Он легонько подбросил свиток в воздух. Мгновенно пространство наполнилось переплетающимися тенями и светом, и перед глазами Ся Цао потянулись видения прошлого.

Это был Небесный Мир тысячи лет назад, когда Мир Трав и Деревьев охватил великий хаос.

Оказалось, что духовные жилы Шести Миров некогда пострадали из-за того, что печать Преисподней дала трещину. Иньская энергия хлынула вспять в мир людей, земли иссохли, а духовная сила пришла в упадок. Мир Бессмертных постановил разорвать связь между Миром Трав и Деревьев и миром смертных, чтобы полностью перекрыть приток духовной энергии и тем самым спасти остальные четыре мира.

Но Бог Травы Девяти Спиралей, будучи владыкой Мира Трав и Деревьев, воспротивился этому решению.

— Если прервать Духовные Жилы, все живое лишится исцеления, Путь падет, а добродетель исчезнет, — стоял он тогда посреди небесного чертога, в одиночку противостоя сонму небожителей. В его словах слышались гнев и непоколебимая решимость.

Однако его сил не хватило, чтобы изменить холодный вердикт небожителей.

Желая спасти все живое, Бог Травы Девяти Спиралей принял окончательное решение: он сам расколол свою Душу и Дух и, используя себя как ключ, силой восстановил мост Духовных Жил.

Это деяние шло вразрез с Небесным Путем — его душа разлетелась на куски, обреченная на бесчисленные циклы Реинкарнации, и он пал в мир смертных.

Последним кадром видения стало то, как он, стоя на вершине лекарственного мира, превратил свою душу в мириады духовных нитей и отправил их во все Шесть Миров.

— Это твое десятое перерождение, — голос Е Яня доносился словно издалека. — В девяти предыдущих жизнях ты был то смертным, то демоном, а иногда умирал, даже не обретя духовного сознания... Мы оберегали тебя тысячу лет, ожидая, что в этой жизни ты сможешь вновь собрать Духовное Ядро и восстановить истинное сознание.

— А Цзюнь Ваншэн...

Он не успел договорить, как его прервала знакомая аура.

Из свитка поднялся призрачный образ: молодой небожитель в белых одеждах, с возвышенным обликом. Он стоял перед разрушенным алтарем, его лицо было бледным, но взгляд полон решимости.

— Если он действительно пошел на перерождение, то я последую за ним.

Тот человек ударил себя по душевному храму, силой разделив свое сознание: одна половина стала бессмертным, другая — демоном, желая лишь охранять любимого, отказавшись от своего Истинного Я.

Сердце Ся Цао больно сжалось.

— ...Цзюнь Ваншэн.

— Его настоящее имя Юнь Хуан, один из древних богов Мира Бессмертных. Когда ты расколол свою душу, он, вопреки запрету, спустился в мир смертных и принудительно переродился, только чтобы найти след твоей души. Он был твоим первым союзником и... первым, кто тебя полюбил, — прошептал Сюань Чжэньцзы. — Чтобы не нарушить Небесный Путь, он разделил свою сущность на добро и зло, создав две личности: одна — бессмертный наставник, ведущий тебя по пути культивации, другая — великий владыка, плетущий интриги ради спасения Пяти Миров... Но именно из-за этого он потерял твое доверие.

— Неужели я... действительно настолько важен, что стоил таких жертв? — тихо спросил Ся Цао.

Е Янь опустил голову. В его руке появилась черная жемчужина души. Внутри нее метались и вспыхивали бесчисленные осколки воспоминаний.

— Это печать души, которую ты сам заточил в моем сознании, — сказал он тихо. — Ты говорил, что если однажды потеряешь себя, мы должны пробудить тебя.

Сюань Чжэньцзы достал духовный талисман, на котором были начертаны три иероглифа: Заклятие Истинного Я.

— Ты — Бог-владыка, но никогда не ставил себя выше других, — Сюань Чжэньцзы смотрел на него с нежностью и грустью. — Ты выбрал самый трудный путь, согласившись на муки перерождений, лишь бы оставить этому миру надежду. А все, что делали мы — это лишь... не давали тебе нести это бремя в одиночестве.

Ся Цао больше не мог сдерживать нахлынувшие чувства. Его руки сжались, и слезы, наконец, заблестели в уголках глаз.

— Но я... я уже ничего не помню. Я не Бог Травы, я просто Ся Цао, просто лекарство, что погибло в мире смертных...

— Ты — Ся Цао, и это верно, — Сюань Чжэньцзы подошел ближе, его голос был нежен, как ветерок. — Но ты также и Бог, исток судьбы, тот, на ком держится наша душа. Ты можешь выбрать не возвращаться, не становиться тем Богом. Но хотя бы... ты имеешь право знать, кем был и что совершил.

В этот миг Ся Цао наконец понял источник тех бесчисленных вспышек из снов, необъяснимой близости и отторжения по отношению к определенным людям, а также тот раздирающий хаос чувств к Бай Цзюню, Цзюнь Ваншэну, даосу и Царю Призраков.

Это было не просто мимолетное увлечение, а тихий зов тысячелетнего договора душ.

— ...Значит, я не просто был избран, а... я сам выбрал этот путь? — спросил он.

— Ты сам. С самого первого мгновения ты решил, что собственноручно изменишь этот мир. Даже ценой вечных мук перерождения.

Ся Цао закрыл глаза и глубоко вдохнул. Божественное сознание, таившееся в самой глубине его естества, наконец слилось с ним воедино.

Он вспомнил шепот Бай Цзюня, когда тот касался его лба: Неважно, кто ты, достаточно того, что ты — это ты.

Он вспомнил, как Цзюнь Ваншэн, Е Янь и Сюань Чжэньцзы в разные времена, в разных пространствах безмолвно оберегали и сопровождали его.

Быть может, он и не жил ради кого-то и не был чьим-то дополнением.

Он — это он. Душа травы, исток жизни, рожденный для свободы.

И эта жизнь не станет лишь продолжением бесконечного цикла. Это будет начало его истинного управления собственной судьбой.

В тот миг, когда Ся Цао открыл глаза, океан его духовной силы взревел, а в море сознания поднялись волны. Между его бровей вспыхнул древний золотой свет, словно пробудилось священное пламя, запечатанное на тысячу лет.

В этот миг он услышал шепот трав и деревьев, услышал, как все сущее поет с ним в унисон. Он больше не был потерянным Ся Цао, он стал Богом Травы Девяти Спиралей, Истинным Я, возродившимся после десяти жизней страданий.

— Ты... наконец-то вернулся, — тихо сказал Сюань Чжэньцзы. Его голос больше не звучал отчужденно, в нем слышались интонации верного друга, близкого человека, того, кто ждал его тысячи лет. — Но помни: цена пробуждения — это и возвращение той судьбы, что была когда-то запечатана.

Едва он договорил, как все иллюзорное пространство сознания содрогнулось. Мир затрясся, разразились гром и молнии.

Черная аура хлынула издалека, подобно бедствию, расползающемуся из бесконечной Бездны, наполненная проклятиями и обидами, способными уничтожить небо и землю.

Лицо Е Яня изменилось. Он вскинул руку, призывая алебарду подавления душ, и прорычал, словно разъяренный зверь:

— Это оно! Владыка бедствий — Усян!

Это было существо, чье имя не должно было существовать в мире. Невидимое, лишенное облика, оно когда-то поглотило свет трех миров.

Говорили, что тысячу лет назад именно из-за его пробуждения Бог Травы был вынужден расколоть душу и создать мост, чтобы поддержать духовные жилы. И теперь его возвращение означало, что пробудилось и то Последнее Бедствие, запечатанное между мирами.

— Это ответный удар Небесного Пути, — Сюань Чжэньцзы сложил печать, и на его лбу проступил кровавый след небесного знамения. — Ты отнял власть над судьбой у Небес,

переродился десять раз и переписал нити мироздания. Небесный Путь не терпит тебя, и поэтому, используя Усян как орудие, посылает свой суд.

Ся Цао смотрел на черную мглу, готовую поглотить весь мир, но в его сердце не было ни капли страха — лишь ясность.

Он наконец понял: он родился не для того, чтобы кто-то его спас, а для того, чтобы в этом мире больше никто не был принесен в жертву, как когда-то он сам.

— Я встречу с ним, — сказал Ся Цао, и его голос был спокоен, но несокрушим. — Не как бог, не ради долга, а только... чтобы вернуть правду этим десяти жизням.

Он взмахнул рукой, и все пространство его сознания превратилось в длинный мост. На том конце моста лежал реальный мир — истинное поле боя, место окончательного выбора.

Царь Призраков Е Янь прошептал:

— Я пойду с тобой. Там, где родилось бедствие Усян, лежит поле битвы, на котором я сам когда-то пал. В этой жизни... пришло время мне поставить точку.

Сюань Чжэньцзы также кивнул, его глаза сияли чистотой зеркала:

— А я уже давно связал с тобой договор судьбы. Жить и умереть вместе — без сожалений.

Они стояли по обе стороны от Ся Цао, непоколебимые, как скалы среди бури, перед лицом дыхания небесной кары.

— Подождите, — вдруг сказал Ся Цао. — А где Цзюнь Ваншэн?

Е Янь и Сюань Чжэньцзы замолчали. Спустя мгновение Сюань Чжэньцзы медленно произнес:

— Он вошел в Гуйсюй.

— Гуйсюй? — зрачки Ся Цао сузились.

Это было место под Небесным Миром, куда стекались все пути. Те, чья душа рассеялась, а удача исчерпана до нуля, в конце концов попадали в Гуйсюй. Там нет времени, нет жизни и смерти, нет памяти и нет обратного пути.

Е Янь стиснул зубы:

— Чтобы запечатать Усян, он использовал себя как основу массива и опустился на самое дно Гуйсюй, столкнув свою демоническую душу с Усян. Теперь... если его не выведет божественная сила, он никогда не вернется.

— ...Тогда я найду его.

В голосе Ся Цао слышалась решимость, невиданная ранее — холодная и бесповоротная.

Сюань Чжэньцзы нахмурился:

— Ты только что пробудил божественное сознание, твоя духовная сила еще не стабилизировалась. Если ты ступишь в Гуйсюй, боюсь...

— Дело не в страхе, — Ся Цао посмотрел на свои ладони, где мерцали золотые узоры, а божественная сила волнами струилась в венах. — Я не могу потерять его. Даже если это будет лишь его малая часть.

Е Янь и Сюань Чжэньцзы переглянулись, беспомощно вздохнув.

— Если ты тверд в своем решении, мы проложим тебе путь.

Покинув иллюзию сознания, Ся Цао вернулся в свое тело и резко открыл глаза.

Теперь его аура бурлила, как океан, золотой узор на лбу светился, как печать, а за спиной начал проявляться призрачный силуэт — душа девятиаршинного растения, чьи корни, словно у божественного древа, пронзали пустоту, излучая древнее божественное величие.

Весь город содрогнулся.

— Он... это... Бог Травы?! Истинное проявление божественной души?! Небесное божество! Как это возможно?!

В это время Бай Цзиюнь и остальные были заперты в черном тумане. Повсюду бесчинствовали демоны, а аура Усян постепенно пожирала всё Духовное Поле.

— Отступайте! — взревел Бай Цзиюнь. — Истинное тело Усян еще не явилось, это только прелюдия, не вступайте в бой!

Но в этот момент небо внезапно расколосось, и луч золотого света упал с небес, прорезая

черную мглу.

В этом свете ступал Ся Цао.

В левой руке он держал посох, правой сложил печать, шаг за шагом входя в непроглядный мрак.

Усян издал оглушительный рев, и тысячи демонических теней, словно наводнение, бросились к нему.

Ся Цао закрыл глаза и тихо прошептал:

— Печать Возвращения к Корням, откройся.

Грохот!

Золотой свет превратился в сотни тысяч трав и лиан, оплетающих небеса и землю. Каждая нить была пронизана божественностью, мгновенно запечатывая источник демонической энергии.

Он ударил ладонью в землю, впечатывая узор Травы Девяти Спиралей. Духовные жилы вернулись на место, земная энергия всколыхнулась, и мир начал свое преображение.

— Это... истинная сила Бога Травы...! — Бай Цзиюнь не мог поверить своим глазам, глядя на то, как оживает древний миф.

Но Ся Цао знал — это лишь начало.

— Е Янь, Сюань Чжэньцзы, действуйте по плану.

Е Янь первым прорвал пространство, войдя в пределы Преисподней, чтобы перезапустить три тысячи оков души и подавить демоническую энергию. Сюань Чжэньцзы превратился в ослепительный поток света, соединив небесную реку и призвав небесный гром для суда над всем злом.

Сам же Ся Цао шаг за шагом направлялся к разлому в небесах — единственному пути в Гуйсюй.

На краю бесконечной тьмы и хаоса он остановился и оглянулся на мир, из которого так долго пытался сбежать.

— Цзюнь Ваншэн, — прошептал он. — В этой жизни не ты ищешь меня, а я пришел за тобой. Где бы ты ни был, даже если это... место, откуда нет возврата.

Он прыгнул в пустоту и исчез.

Позади него воцарилась тишина, лишь тонкий аромат трав тихо рассеялся на ветру.

<http://bllate.org/book/24199/2798521>